

ЯЗЫК В ПРОЦЕССЕ ПСИХИЧЕСКОЙ САМОЗАЩИТЫ (НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ)

Одним из глобальных этнозащитных механизмов является язык народа, который одновременно выступает также этнодифференцирующим признаком. Обсуждение этнозащитной функции языка начнем с замечательных слов И.С. Тургенева: “ Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины ты одна мне поддержка, о великий, могучий, прекрасный и свободный русский язык”. Ясно, что для писателя русский язык был средством психологической самозащиты от фрустраций. В целом, идея о том, что язык является одним из основных культурных достижений народа и служит сохранению его самобытности, его этнических границ, достаточно ясна. Однако задачей психологии является конкретизация этнозащитной роли языка. Мы должны понять, **с помощью каких конкретных словесных механизмов он выполняет эту свою функцию на индивидуальном и групповом уровнях.**

Для этого надо вспомнить, что при рассмотрении защитных механизмов личности мы выделяем (Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности. Изд-во АН Арм., Ер., 1988, гл.3.), вслед за психоаналитиками (Freud A. Das Ich und die Abwehrmechanismen. London, 1946), такие вербальные психозащитные механизмы, как **интеллектуализация** (как средство разделения мыслей от эмоций), **рационализация** (чаще выступающая в форме словесного самооправдания) и другие психолингвистические методы. Эти и другие механизмы действуют как на индивидуальном, так и на групповом уровнях этнозащитных процессов: человек, например оправдывает как свои личные этнические стереотипы, установки и действия, так и все эти явления, но уже на уровне своей этнической группы.

С целью дальнейшего углубления исследования этнозащитных функций национального языка мы предлагаем гипотезу, состоящую из следующих утверждений: 1) каждая этническая группа имеет долгую историю психологической самозащиты, которая оставила глубокий след (отложение) в структуре, словарном запасе, идиоматических выражениях, пословицах, поговорках, мифах, сказках и других аспектах словесности данного народа;

2) защитные словесные формулировки являются также вкладом творчески одаренных людей, оставивших в наследство исторические, художественные, философские и другие произведения. В их трудах имеются многочисленные интеллектуализации, рационализации, проекции и интроекции, а также словесные выражения (вербализации) других защитных механизмов и процессов; 3) следовательно, необходимо развивать специальную ветвь психолингвистики, которая должна заниматься изучением этого огромного материала. Эта наука – **психолингвистика индивидуальной и этнической самозащиты** – должна обнаружить и представить нам, на языке современной психологии, устоявшееся в языке (словесной культуре этноса) защитные механизмы, их комплексы и стратегии; 4) важной частью нашей гипотезы является следующее утверждение: ребенок в процессе своей социализации, овладевая родным языком, обучается также тем формам, механизмам и стратегиям психической защиты, которые создавались предыдущими поколениями и зафиксированы в национальном языке (а также в фиксируемом языке культуры). Здесь возникает особая и очень интересная проблема: что же происходит, когда человек усваивает ряд иностранных языков, в которых – и в соответствующих национальных культурах – тоже зафиксированы защитные словесные механизмы индивидуального и общенационального уровней? Ведь изучение языка другого этноса в определенной мере требует идентификации с ним, формирования (в определенной степени) второго этнического “Я” (идентификации) личности. Поэтому в психике полиглотов, как мы предполагаем, должны иметь место конфликты я – образов и соответствующих защитных механизмов и стратегий, которые несовместимы (бывают, конечно, и совместимые). Но в любом случае изучение других языков

и культур расширяет репертуар индивидуальной психической защиты. Защита же этноса на уровне индивида может пострадать. Эта гипотеза открывает новые пути исследования целого ряда явлений, в том числе двуязычия (билингвизма); 5) таким образом, каждый язык делает своего носителя способным на определенные формы защитного поведения, дает ему в руки соответствующие средства. Но в этом аспекте возможности разных языков различны; 6) следующим важнейшим утверждением, входящим в состав нашей гипотезы, является следующее: каждый индивид, усваивая структуру (синтаксис) и словарный запас языка, не только усваивает готовые формы, механизмы и даже стратегии психологической защиты. Он приобретает внутреннюю возможность создания новых механизмов и стратегий, приобретает средства и способности для такого специфического вида творчества. Читатель, знакомый с теориями Н.Хомского и с современной психолингвистикой вообще, сразу же заметит, что в данной гипотезе мы конкретизируем ту общую закономерность, согласно которой когда человек говорит, он не столько повторяет уже известные ему предложения и высказывания (количество которых ограничено), сколько создает (генерирует) все новые и новые высказывания из того языкового материала и по тем правилам генеративной грамматики, которые усвоены им в процессе индивидуального развития. Если есть и правила и механизмы генерации новых предложений, то мы предполагаем, что есть правила и механизмы, **специальная грамматика защитных механизмов и стратегий**, которая и порождает новые процессы психологической самозащиты. Итоги этих процессов могут быть не только репродуктивными, но и продуктивными, творческими.

Если брать еще более частный аспект данной проблемы, то можно сказать, что, во – первых, существует общая способность создания новых защитных механизмов и, во – вторых, частные способности создания новых рационализаций, проекций, словесных форм агрессии (например, инвективов), регрессивных форм высказываний и т.п. Генеративная грамматика каждого языка дает его носителю подобные общие и парциальные способности; 7) развиваемая здесь концепция должна опираться на все то, что известно о психо– логике. Ведь каждый словесный процесс психологической защиты обладает своей особой логической структурой, которая с точки формальной логики может показаться бессмысленной или хотя бы просто ошибочной. Например, рационализации часто аналогичны, парадоксальны и т.п. Они **психо-логичны**. Именно психологическая логика является если не всей, то хотя бы **подсознательной** генеративной грамматикой. Порождающей защитные процессы и механизмы. Она должна быть исследована также на материале сновидений; 8) наконец, мы считаем, что структуры психо – защитной грамматики, в определенной мере даны в наследуемой структуре мозга, они в определенной мере наследственны. Вот почему говорящие на разных языках и живущие в разных этнокультурных средах люди, осуществляя психологическую самозащиту, создают не только этноспецифические, но и общечеловеческие, обобщенные (и общие) вербализованные защитные механизмы – рационализации, интеллектуализации, словесные формы агрессии и другие.

Именно благодаря этой обобщенности мы понимаем, что представители других народов осуществляют (и создают) рационализации, интеллектуализации, и другие словесные конфигурации защитных механизмов и их комплексов. Эти вербальные формы защиты более или менее точно переводятся на другие языки. Однако раскрытие этнической специфичности этих механизмов и их комплексов – одна из важнейших задач этнопсихолингвистики. Иначе говоря, мы как бы объявляем начало зарождения новой науки – **этнопсихолингвистики**, в частности – **этнопсихолингвистики защитных процессов**.

Об одном примере “лингвистической этнозащиты”

Этнозащитные процессы связаны с национальным языком и по- другому. О чем идет речь, хорошо видно из следующих фактов, касающихся армянского языка.

Много веков Армения жила в зависимости от завоевателей – иранцев, арабов, римлян, турков. Однако армянский литературный язык в основном сохранил свою чистоту. Интересные примеры приводит известный специалист по армянскому языку Эд. Агаян. Вот некоторые из них.

Из арабского языка армянский язык заимствовал 702 слова, из которых в современном литературном языке используются только 53.

Из турецкого языка в течении веков было заимствовано армянами около 4000 слов, но из них в современном армянском языке не используется ни одно!

Следует иметь в виду, что в настоящее время заимствованные из других языков отсталых народов, слова чаще всего используются в устной речи самых низких слоев общества (простолюдинов из среды крестьян, ремесленников, деклассированных и девиантных групп), а также более широкими слоями народа, но ... в ругательствах!

Мы считаем, что такая строгая селекция слов и выражений является результатом **этнозащитной установки** на воздействия извне. И в связи с этим специально хочется отметить, что пора от еще бытующих иллюзий о “благородстве простого народа”. Простые люди особенно быстро ассимилируются, когда случайно оказываются в составе правящей элиты меньшинства и в маргинальном состоянии. **Самозащитный потенциал нации сосредоточен в основном в типичной национальной интеллигенции и части политических лидеров.**

ЛИТЕРАТУРА

1. Налчаджян А.А. Личность, психическая адаптация и творчество. Ереван, “Луйс”, 1980.
2. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности. Изд-во АН Армении, Ереван, 1988.
3. Фрейд. З. О психоанализе. М., 1913.

